

О «ТЕАТРАЛЬНЫХ СТАРУХАХ»

Когда я вспоминаю свою долгую жизнь в театре и своих немногочисленных, но хороших друзей, то с любопытством убеждаюсь, что самые нежные и самые милые отношения были у меня с театральными «старухами». Я горячо любил тетю Катю Корчагину-Александровскую, артистку гениальную в полном смысле слова и в то же время немножко смешную и жалкую, какую-то уж слишком простенькую, могущую показаться типичной петербургской мешанкой. Только более близкое знакомство убеждало в тонкости, душевной красоте, редкостном добродушии и доброжелательности ее к людям.

Вера Аркадьевна Мичурина-Самойлова была полной противоположностью тети Кати. Аристократка с головы до ног, да не просто аристократка, а аристократка петербургская, умница, grand dame в лучшем смысле слова (она) разговаривала со мной как с равным, ее советы были полны деликатности и сдержанного дружелюбия, это она нашла имена моим дочерям — Наталья и Татьяна. Она была как бы крестной матерью моей младшей. Великолепная комедийная «салонная» актриса, каких уже нет и не может быть сейчас, одна ее величественная внешность создавала расстояние, которое не каждый рисовал преодолеть.

Она проявила по отношению ко мне, молодому тогда актеру, такое искреннее и непосредственное внимание, она так «выбрала» меня, с таким интересом следила за моей работой, так просто и по-деловому давала мне советы, касающиеся моих ролей в Александринском театре, причем касалась самых тонких, самых высоких вопросов мастерства и, главное, так понимала меня как художника, что общение с ней я вспоминаю, как одно из самых интересных, самых важных для меня знакомств за всю театральную жизнь.

Самая милая, я бы сказал, какая-то веселая, дружная была у меня с Александрой Федоровной Грибуниной — уникальной актрисой Александринского театра, — с этой громадной и седой женщиной с седыми же и жесткими усами, с грозной внешностью и добрейшим сердцем.

В Малый театр я пришел, уже будучи знаком с Александрой Александровной Яблочниковой. Когда она умерла, я горько плакал у ее гроба, — так жалко было потерять последнего святого человека, которого я еще застал на земле.

Дружба моя с Варварой Николаевной Рыжовой, тоже в своем роде единственным экземпляром старого Малого театра, была, я бы сказал, даже несколько истощенной и чем-то напоминала безумную любовь. Она распространилась не только на меня, но и на всю мою семью. И когда в 1951 году я уехал с женой на год в Болгарию, мои дочери остались под присмотром Варвары Николаевны и ее милой сестры Елены Николаевны Музиль, они взяли на себя эту обузу.

(Из черновой записи воспоминаний о Е. Д. Турчаниновой. Написано в сентябре 1969 г. в Загородной больнице).

Ночь на 1 февраля 1960 г. Я пришел с премьеры «Иванова».

Я счастлив!
Наконец, я счастлив!
Неужели, все-таки меня понимают?!

Сколько страданий!
Ведь еще одна такая премьера, и я умру...

31 декабря 1962 г. Репетиция «Пятой колонны» прекратилась из-за моей болезни и не возобновилась.

Тяжело болел. В феврале попал в больницу. Прямо из больницы поехал я (под расписку) на гастроли в Ленинград с «Враконьерами».

Первый спектакль прошел благополучно. На второй день, когда загрузился, а публика уже сидела в зале, начался приступ. Я все-таки репшил играть. Как я играл, один Бог знает, откуда все-таки взялись какие-то силы. Меня колотил непрерывно. «Скорая помощь» дежурила за кулисами. Жаров так испугался, что совсем запутался. Мне пришлось говорить ему на сцене: «Не бойся, я договорю». После спектакля отвезли меня в Свердловскую больницу, в мою старую больницу. Сколько раз я уже там лежал. Был я, как на второй день сказали врачи, совсем плох... Пролежал я дней десять, вероятно, опять вроде отошло.

Перерыв между больницами на этот раз был совсем короткий. Через несколько дней опять приступ, опять «Скорая помощь». 11 апреля Б. С. Розанов под общим наркозом вырезал желчный пузырь. Врач сказал, когда я проснулся после наркоза: «Один камень может довести человека до отчаяния. У вас было 112».

После больницы — месяц санатория. Наконец, опять Москва, театр, новые даты.

Что я должен сделать в 63-м, минимум и максимум?

1. Сыграть (очень хорошо) полковника Ланснера в «Луна возшла» Стейбена
2. Поставить на телевидении «Смерть Тарелкина» и хорошо сыграть Тарелкина.
3. Поставить (очень хорошо) «Юлия Цезаря» и сыграть (очень хорошо) Цезаря.

4. Добиться выхода книги в ВТО.
Максимум — все то же самое, но кроме того:
5. Сыграть на телевидении генерала Ефимова в сценарии К. Симонова.

6. Поставить «Апельсины из Марокко» Аксенова, еще до того, как пойдет Цезарь.

7. Снять в картине «Враконьеры».

8. Сделать хорошую запись на радио, вроде «Вия».

9. Хорошо отдохнуть летом и —

10. Съездить в Рим!

Ох, как много! Неосуществимо!

31 декабря 1963 года. Прошел 1963 год.

Ничего не сделал. Не сыграл ни одной новой роли.

Не поставил ни одного спектакля. Кое-что на радио и на телевидении.

28 февраля 1967 года. Прочитал в «Новом мире» № 1 автобиографию Пастернака. Какой смелый, скромный, благородный поэт и человек! И этого человека, по сути дела, убили. И никто за Пастернака не вступился, никто не защитил! Бесполезного раненого человека! То, что написано о Маяковском, о Цветаевой, — необыкновенно по глубине, правде, полному отсутствию предвзятости, предрассудков! Прелесть — «Созвездие Козлотура» Фазилис Искандера.

3 марта. Репетировал «Иванова» с Афанасьевым. Вокруг «Иванова» опять возня.

Вечером смотрели «Волшебное существо». Платонов — какой интересный автор и Шатрин — недурной, думающий режиссер. Актеры хороши! Некоторые: Константинов, Хохряков, Корниенко — очень хороши.

4 марта 1967 г. Идет интрига с возобновлением «Иванова». Ввожу Афанасьева. Он явно не будет готов к 12-му. По уговору с дирекцией 12-го в таком случае играю я, а 17-го — Афанасьев. Вдруг новый вариант: нет, тогда 12-го — Царев. То, что он искажает весь спектакль, весь замысел — это им неважно, важно, что он — Царев.

7 марта. Был на открытии выставки художников театра и кино за 50 лет. Вот это выставка! Головин, Бенуа, старый Камерный театр (Воснин, Зистер, Якулов, Нивинский), Вильямс! Дмитрий! Чернышев, Кустодиев! Арапов, М. Левин, Шифрин!

Пожому никогда еще не было такой интересной выставки у живописцев. Театральные художники наши — лучше, талантливей, оригинальнее станковистов, графиков. Нужно смотреть ее много раз, понять, что произошло с театром, почему он стал таким бездарным, беспольным и бездумным?

8 марта. Изумительный весенний день! Нашим женщинам повезло! Днем ездил на репетицию в Дом актера для телевидения. Везде одинаковый беспорядок и безалаберщина.

Вечером вел программу Женского дня из гостиницы Дома актера. Слишком заботился о темпе, торопился и слишком долго читал «О любви» из «Теркина»... Был слишком сух и официален. Но, может, это лучше, чем быть пошляком в духе «Голубого огонька».

Нонна Мордюкова говорила так долго, как будто на своем творческом вечере... и сорвала конец пения.

Борис БАБОЧКИН:

Ночью на 1 февраля 1960 г. Я пришел с премьеры «Иванова».

Я счастлив!
Наконец, я счастлив!
Неужели, все-таки меня понимают?!

Сколько страданий!
Ведь еще одна такая премьера, и я умру...

31 декабря 1962 г. Репетиция «Пятой колонны» прекратилась из-за моей болезни и не возобновилась.

Тяжело болел. В феврале попал в больницу. Прямо из больницы поехал я (под расписку) на гастроли в Ленинград с «Враконьерами».

Первый спектакль прошел благополучно. На второй день, когда загрузился, а публика уже сидела в зале, начался приступ. Я все-таки репшил играть. Как я играл, один Бог знает, откуда все-таки взялись какие-то силы. Меня колотил непрерывно. «Скорая помощь» дежурила за кулисами. Жаров так испугался, что совсем запутался. Мне пришлось говорить ему на сцене: «Не бойся, я договорю». После спектакля отвезли меня в Свердловскую больницу, в мою старую больницу. Сколько раз я уже там лежал. Был я, как на второй день сказали врачи, совсем плох... Пролежал я дней десять, вероятно, опять вроде отошло.

Перерыв между больницами на этот раз был совсем короткий. Через несколько дней опять приступ, опять «Скорая помощь». 11 апреля Б. С. Розанов под общим наркозом вырезал желчный пузырь. Врач сказал, когда я проснулся после наркоза: «Один камень может довести человека до отчаяния. У вас было 112».

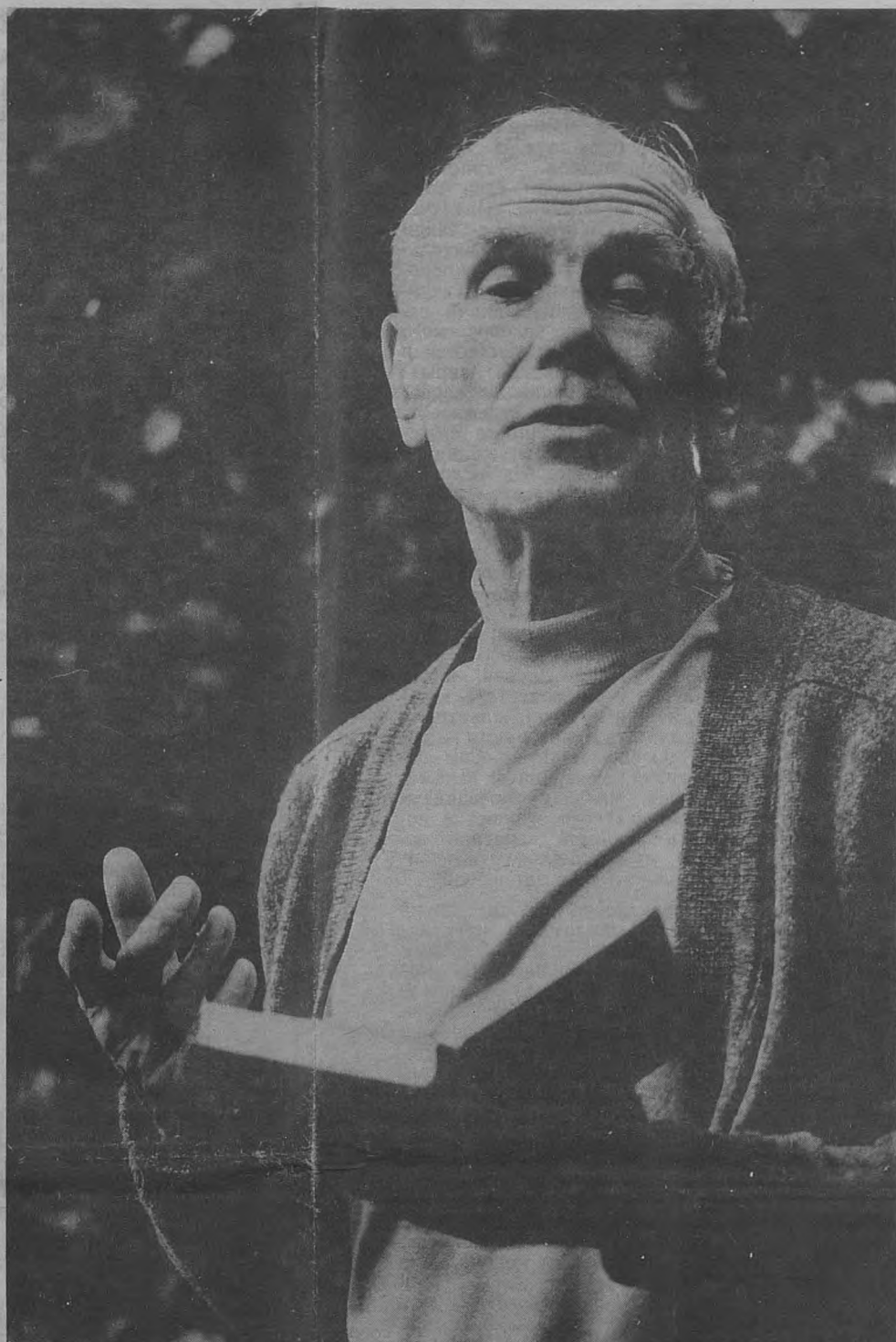
После больницы — месяц санатория. Наконец, опять Москва, театр, новые даты.

Что я должен сделать в 63-м, минимум и максимум?

1. Сыграть (очень хорошо) полковника Ланснера в «Луна возшла» Стейбена
2. Поставить на телевидении «Смерть Тарелкина» и хорошо сыграть Тарелкина.
3. Поставить (очень хорошо) «Юлия Цезаря» и сыграть (очень хорошо) Цезаря.

Вроде бы знаешь
о художнике
главное —
сыгранные им
роли,
поставленные
спектакли,
опубликованные
статьи. Но вот
перед тобой его
дневники
60—70-х годов —
несколько
десятков
страницек
из тысяч
написанных,
и многое из того,
что наполнило
его работы
страстью,
скепсисом,
конфликтной
мыслью,
подтверждается
глубиной,
честностью
и горечью его
размышлений.

18 января
1994 года
Борису
Андреевичу
Бабочкину
исполнилось бы
90 лет.

«ТОЛЬКО ТЕАТР. ВОТ МОЯ ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ»

Читал в «Новом мире» воспоминания Маршака «Дом под глобусом». Это о том, как ликвидировали в Ленинграде талантливей, начавший новую эру в детской литературе журнал и всю его редколлегия. Моя будущая книга в сущности должна быть рассказом о том, как ликвидировалось постепенно все талантливое в театре, как его завоевывала посредственность.

28 ноября. Вчерашний день все планы сорвались. Начался у меня сердечный приступ с неотложной, пропал и вечер и весь сегодняшний день. Я лежу и все думаю, думаю. И прихожу к заключению, уже не новому для меня. Я — раб и могу быть только рабом. Если я как раб угоджаю, — мне хорошо. Если же проявлю не строптивость даже, а элементарную независимость взглядов и действий — за это надо дорого и горько расплачиваться. Как это мне могли не понравиться или показаться неправильными решения самой Фурцевой. Неважно, что она высочка, но ведь она министр, сколько в ее голове секретов, какие пружины в ее руках! Нет у нее никакой надобности сажать, ссылать, — она и так сживет со свету, сделает это «культурными».

Божь, какой это ужас!

4 января. Сегодня после завтрака, часов в одиннадцать, — неожиданный сердечный, очень тяжелый приступ. Во время приступа звонил из Киева директор Театра Леси Украинки. Речь идет о «Фронте» — Корнейчук хочет, чтобы я поставил у них «Фронт» — в феврале, что ли? Может быть, и 23 февраля? Я не мог подойти к телефону. Будет звонить еще. Но ехать в Киев — как будет с институтом? Зоя принесла кучу писем, поздравлений. Очень трогательные от Тины Гавриловны и от Евгения Исидоровны Линде. Была опять Вера Осюкина, она очень мила. Настроение у меня плохое.

5 января. Звонили из Киева Корнейчук и дирек-

тор Театра Леси Украинки. Они хотят, чтобы я к концу мая поставил им «Фронт» с Добровольским. Я в принципе согласился. Но как это будет, не представляю по времени, да и буду ли здоров-то? Вечером первый раз смотрел телевизор. Надеело болеть.

6 января 1969 год. Прочитал «Фронт» — совершенно антихудожественное произведение. Не помню у Пастернака, кажется, написано, что в «Фронте» нет ни грамма искусства, — совершенно правильно.

10 января. Плохо себя чувствую, сердце болит все время. Корнейчук прислал книжку и письмо. Конечно, можно было бы поспорить с автором и подчинить любовной текст польской идее, которая в пьесе заложена. Сделать спектакль не как воспоминания о войне, вернее, именно как воспоминания о войне, которые — повод для войны с горловиниями сегодня. Кстати, кончил сегодня очень интересную книгу мемуаров Н. Н. Воронова, Она вся на эту же тему: Горлов — Кулик. Страшная книга, страшная и тем, что Воронов не удержался и наподлакивал Хрущеву: книга написана в его время. Интересны и воспоминания генерала Казакова — там тоже встречаются типы починке Горлова. Нужно только сделать ясным, что это не историческая, а современная тема, совершенно серьезная, важная, болезненная и страшная, а война — это поэтическая сторона пьесы, ее романтика. Ну, это нужно еще обдумать, вопрос только в том, как будет работать сердце, позволит ли оно мне эту работу (репетиции, пьески). Даю себе пять дней, чтобы добраться до Москвы.

12 января. Какие интересные, ясные мысли и планы приходят в голову по ночам. Но, как правило, они утром забываются. Вот почему сейчас, утром, еще совсем темно, пытаюсь вспомнить о том, что пришло в голову вечером, когда думал о статье про

Дому хорошо. Дышится мне здесь легче, чем в Ленинграде.

Звонили из Театра Советской Армии. У них все-таки появилось желание заняться «Тихим Доном» к столетию Ленина. Я сказал, что прочитаю с удовольствием пьесу на трупе.

19 июля 1969 года. Погода холодная. Лето, собственно, уже прошло. Выйду из больницы, съезжу в Барнаул, потом в Ленинград на два дня, а там и сентябрь — работа, институт, а может быть, — и театр. Да, нужно, чтоб был и театр. Сейчас повторяю «Иванова» и понимаю, что единственное мое наслаждение, призвание, специальность — театр. Не кинематограф, а театр. И я не имею права отнимать у себя то, в чем я действительно силен, может быть, сильнее всех.

Думаю о гастролях в Барнауле с трепетом. Так хочется мне играть! Сейчас вспоминаю, как мало, как редко, в сущности, я играл. Правда, мне мешали и болезни, но и при этих условиях, как много вечеров я пропустил, как много ролей, которые должен был бы сыграть, так и не сыграл. Во мне всегда не хватало администратора, который организовал бы мои дела как актера. Вот таким администратором у себя был Михаил Романов. Нет, нужно обязательно играть все то, что я еще смогу играть.

23 июля. Ночью видел сон — съемки. Режиссеры братья Васильевы, и я несколько раз, точно, повторил какой-то незнакомый — значит я сам его во сне сочинил — текст и играл очень хорошо: четко, точно, энергично. И что Васильевы, как это было и раньше, не ожидали, что то, что они сочинили (а это будто бы их текст), можно так трактовать, как я трактовал. Так бывало и на «Цапее».

Вообще же с того самого дня, как я ушел из театра, не было, вероятно, ни одной ночи, ни одного сна, в котором бы я или не играл на сцене или не репетировал, или не стоял бы на выходе за кулисами,

Мишу Романова. Еще на Самбирской в Саратове мы подписывались на какой-то журнал, и в приложении прислали карточки, из которых нужно было склеить макет Александринского театра. И когда я склеил, был поражен его красотой. Для меня это было какое-то чудо красоты. Я помню этот макет до сих пор. Так он мне нравился. Могу ли я думать, что когда-нибудь не только увижу его в натуре, но и буду играть в нем. Был у меня в реальном училище самый близкий товарищ — Шура Подклетнов. Он увлекался геологией, и мы с ним чудно бродили по оврагам за Соколовой горой, часто очень глубоко и головокружительно обрывистым. Раз он остался у меня ночевать, и спать мы пошли вниз, к бабушке, там не было никакого дома. И мы легли с ним на громадной бабушкиной деревянной кровати в душевной темной спальне. При свете маленькой керосиновой лампы я читал ему «сцену у фонтана» из «Бориса Годунова», читал вдохновенно, по-детски. Это был период моего детского восторга перед Пушкиным, и я хорошо помню дешевенькое издание Пушкина в голубом бумажном переплете. Никогда не забывал, всю жизнь помнил, как он серьезно мне сказал: «А может быть, ты станешь артистом и будешь играть Самозванца в Александринском театре». И когда я в 1932 году вышел в первый раз на сцену Александринского театра в роли Чацкого, и потом, в 1935-м, — в Самозванце, я вспомнил Шуру Подклетнова и его пророчество. А какое это имеет отношение к Мише Романову?

Романов служил в Александринке, когда я приехал в Ленинград, в Сатиру. Я с завистью смотрел на нарядных александринцев, встречая их на улице. Самый красивый и самый нарядный был Романов. Однажды догнали их на тротуаре Екатерининского сада: Романов, Болконский и Костя Матросов — три красавца, идут медленно, солидно. Слышу говорит Романов, тихо, солидно:

— Я ему говорю: что же ты, местком...
— Ну, такие же актеры, как и мы, грешные, — подумал я.

А Шура Подклетнов появился в моей жизни совсем недавно, уже в Москве, когда мы жили на улице Горького. Он меня нашел, пришел с дочерью. У него было много детей. Работал он инженером в Куйбышев. Мы опять с ним подружился сразу. Он уже умер от рака, и сейчас, вспоминая жизнь, я думаю — он был одним из немногих, очень немногих друзей моей жизни.

В Москве звонили из «Труда». Прсыат статью о юбилее Большого драматического театра. Написал бы охотно. И объективно.

15 января. Сегодня уезжаю. Первый раз в жизни дали мне в больнице подробное описание болезни, электрокардиограммы, рецепты и т. д. Лечащий врач Ольга Ивановна Рахаева и зав. отделением Надежда Дмитриевна из-за меня надолго остались в отделении, все писали. Это — трогательные, заботливые люди. Написали, что «выписан по настоятельному личному желанию».

17 января. Вчера вернулся домой.

Вечером говорил с Ильинским. Единственное, что он твердо знает, это то, что «дана установка, что при любых условиях он и я должны вернуться в Малый театр».

или не гримировался — обязательно что-то, связанное с театром. Как странно. Значит не было в моей жизни для меня ничего более интересного. Не вижу я во сне ни дружеских застолий, ни любовных приключений, ни охоты даже, которой я был увлечен долгие годы — только театр. Вот моя истинная любовь. Кроме театра вижу только семью: Катю, детей, но и они где-то при театре, не на первом плане.

21 июля 1969 года. Вчера ничего не записал, а именно вчера был день необыкновенный! Видел телепередачу с Луны. С Луны!

Помню, читал еще в Поливанове «Путешествие на Луну» Жюль Верна. Ни одной мысли не возникло, вероятно, что высадку на Луну я увижу как реальный факт. А сейчас видел, а ведь прошло всего каких-нибудь 50 лет! И видел американский флаг, водруженный там американскими космонавтами. Не понимаю, почему мы так настойчиво объявляем в газетах о полете «Луны-15». Если не приготовлено какого-то сенсационного сюжета, то вся эта назойливость выглядит тупой и глупой.

22 июля. Смотрел на маленький, светлый, дневной еще месяц. Сегодня он опустел. Два человека ТАМ БЫЛИ! Это трудно себе представить, трудно понять, трудно даже нафантазировать. Они ходили там, спали, ели, собирали камни и улетели. Это самое большое чудо, какое до сих пор случилось на нашей земле, а может быть, в нашей Солнечной системе? Слово не хватает и чувств не хватает. Как странно, глупо, анекдотически мы выглядим, пытаемся смывать, саморегулировать это поистине эпохальное событие. Уж если мы дали себя опередить, то нужно бы тем более показать широту своих взглядов, а не убого, показав интернационализм, а не национализм. В этой истории, боюсь, мы выглядим далеко не лучшим образом. Как это грустно. Я все смотрю на Луну, а когда ее нет, я без нее скучаю. Она стала мне ближе.

20 августа 1969 г. Как это ни странно, я хорошо могу играть только очень трудные роли и очень сложные характеры, в которых могу применить свой талант не актера, а шахматиста, в смысле оригинального, неожиданного решения роли, а как типаж я не представляю собой никакого интереса.

Среда (не знаю точно, какое число), сентября 1969 года. Опять запустел свои записки, хотя дел никаких нет, а одна суета. Во ВГИКе начал репетировать «Фальшивую монету», по первым читкам — безнадежное дело. А может, я предъявляю к ним слишком большие требования? Не движется дело с подготовкой лекции об актерском искусстве для ВГИКа. Звонили из театра.

Конечно, ни о каких художественных вопросах, убеждениях и т. д. здесь нет и речи. В наших условиях, как правило, побеждает самое низкое, самое бездарное, самое циничное. Неужели это относится не только к театру, но и к остальным сторонам жизни? Но в театре создается впечатление, что власти принимают, и сочувствуют, и поддерживают блоки и группировки обязательно бездарные, обязательно рвущиеся к власти открыто, напраполю, совершенно цинично. И эти блоки и группировки из страха, холуйства и еще каких-то непонятных и необъяснимых побуждений поддерживает так называемый «коллектив».

Во всяком случае, человек, открыто стремившийся делать карьеру в любой отрасли, встречает полную поддержку. Очевидно, он понятен «начальству», и эта его черта — беспринципность или, вернее, принципиальность определенного — подлого, на все идущего характера импонирует: ведь они сами такие же.

Во всяком случае, думая о своей судьбе в театре, в кино, в искусстве, я отлично понимаю, что дело не в моем «характере». Это глупость. Дело в моем таланте и независимости. Вот что вызывает страшное сопротивление моих «товарищей», вот что немедленно спланивает их в борьбе против меня, при чем в такой борьбе они уже не считаются ни с какими средствами.

Воскресенье, 28 сентября. (1969). Между актерами театра и кино грань постепенно стирается. Каждый хороший актер кино не отказывается играть и хочет играть в театре и наоборот.

Идеал — Лоуренс Оливье да и громадное большинство советских актеров. И даже Театр-студия Киноактера — доказательство того же.

Что такое главный секрет, ключ вещи? Художественного произведения? В «Октябре» Эйзенштейна, так же как в «Днях Октября» Сергея Васильева, слова Ленина: «Товарищи! Рабоче-крестьянская революция совершилась. Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка», — говорится (у Эйзенштейна талантливо, у Васильева бездарно), как кульминация событий, как высшая точка, крепче всего ночи на 25 октября. В то время как у Джона Рида точно сказано, что как только охвати стихии. Ленин просто и буднично, прозаически, делово, без темперамента сказал: «Товарищи...»

Вот весь фокус, весь художественный секрет в том, что это говорится как бы вопреки всем напрашивающимся сами собой интонациям — просто, не кончая предыдущее, а начиная новое. Боюсь, что это трудно объяснить, но я это хорошо понимаю.

Это секрет реализма!

(Окончание на 14-й стр.).